

DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25
Оригинальная исследовательская статья
Original research paper

Homo hallucinatas: идея двойной инверсии в исследовании человека

Ф.И. Гиренок

*Московский государственный университет
имени М.В. Ломоносова, Москва, Россия*

Аннотация

В статье выдвигается идея о том, что современная философия существует не как онтология, а как антропология. Согласно авторской позиции, вопрос о том, что есть бытие, зависит от ответа на вопрос о том, что есть человек. Анализируя спор между М. Фуко и А. Бадью, автор показывает, что первым в европейской философии вопрос о человеке самом по себе поставил И. Кант, тем самым установив антропологический стиль мышления в философии. Исходя из этой мысли Канта, в статье обосновывается гипотеза о том, что *humanitas* человека заключено в его *hallucinatas*. Определяя таким образом человеческое в человеке, автор вводит в философский дискурс такие понятия, как «галлюценоз» и «взрыв галлюцинаций». Под галлюценозом понимается сообщество грезящих людей, а под взрывом галлюцинаций – первичная самопрезентация человека, представленная в наскальной живописи эпохи позднего палеолита. Особое внимание автор уделяется идее двойной инверсии человека, выдвинутой в русской философии Б.Ф. Поршневым и Ю.М. Бородаем. Двойная инверсия интерпретируется, с одной стороны, как появление самосознания, а с другой – как событие речи. Развивая мысль о том, что сознание и интеллект радикально разорваны в современном человеческом действии, автор делает вывод о том, что интеллект обеспечивает жизнь животного в пространстве, тогда как сознание – жизнь человека во времени.

По мнению автора, галлюцинировать – это и означает не что иное, как жить во времени. В статье доказывается, что органический интеллект и интеллект человека имеют различные сенсориумы; искусственный же интеллект не имеет своего сенсориума и в этом смысле не существует.

Ключевые слова: сознание, сенсориум, галлюциноз, искусственный интеллект, язык, молчание, речь, философская антропология, антропогенез, воображение.

Гиренок Федор Иванович – доктор философских наук, профессор, заведующий кафедрой философской антропологии философского факультета МГУ имени М.В. Ломоносова.

girenok@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5055-7689>

Для цитирования: *Гиренок Ф.И.* Homo hallucinatas: идея двойной инверсии в исследовании человека // Философские науки. 2023. Т. 66. № 2. С. 7–25. DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25

Homo Hallucinatas: The Idea of Double Inversion in the Study of Man

F.I. Girenok

Lomonosov Moscow State University, Moscow, Russia

Abstract

The article advances the notion that contemporary philosophy exists not as an ontology, but rather as an anthropology. The author posits that our understanding of being is contingent upon our comprehension of the human condition. Through an examination of the intellectual debate between M. Foucault and A. Badiou, the author demonstrates that I. Kant was the pioneer in European philosophy to interrogate the essence of humanity, thereby inaugurating an anthropological mode of philosophical thought. Building upon Kant's proposition, the author presents the intriguing hypothesis that the essence of humanity, or *humanitas*, is encapsulated within its capacity for hallucination, or *hallucinatas*. This perspective leads the author to introduce the novel philosophical concepts of "hallucenosis" and "explosion of hallucinations." Here, "hallucenosis" refers to a collective of individuals engaged in a shared dream state, while "explosion of hallucinations" denotes the primal self-representation of humans as depicted in the rock art of the late Paleolithic era. The author gives particular emphasis to the concept of

“double inversion” in human nature, a notion originally proposed in Russian philosophy by B.F. Porshnev and Yu.M. Borodai. Double inversion is interpreted as the emergence of self-consciousness, on one hand, and a speech event, on the other. The author further develops the idea that in contemporary human behavior, consciousness and intelligence are fundamentally disconnected. The conclusion drawn is that while intelligence facilitates animal existence in space, consciousness enables human life in time. In the author’s view, to hallucinate is essentially to live in time. The article substantiates the claim that organic intelligence and human intelligence operate within distinct sensoriums. Meanwhile, artificial intelligence, lacking its own sensorium, is argued to be non-existent in this context.

Keywords: consciousness, sensorium, hallucenosis, artificial intelligence, language, silence, speech, philosophical anthropology, anthropogenesis, imagination

Fyodor I. Girenok – D.Sc. in Philosophy, Professor, Head of the Department of Philosophical Anthropology, Faculty of Philosophy, Lomonosov Moscow State University.

girenok@list.ru

<https://orcid.org/0000-0002-5055-7689>

For citation: Girenok F.I. (2023) Homo Hallucinatas: The Idea of Double Inversion in the Study of Man. *Russian Journal of Philosophical Sciences = Filosofskie nauki*. Vol. 66, no. 2, pp. 7–25.
DOI: 10.30727/0235-1188-2022-66-2-7-25

Введение

Проблема исследования человека состоит в том, что до сих пор не очень понятно, что делает человека человеком. Неясно, как понимать *humanitas* человека. Если мы решим, что важную роль в формировании *humanitas* играет труд (деятельность), то нам придется объяснять, откуда взяты цели, без которых деятельность не имеет смысла. Если мы укажем на язык как на *humanitas* и будем настаивать на языковом характере человеческого в человеке, то нам придется объяснить неязыковой характер воображаемого, т.е. объяснить природу того, что называют сегодня образом. Полагая важной цифровую природу человека, нам нужно будет смириться с исчезновением внешнего и внутреннего в существовании человека, потому что в числе мы сталкиваемся со «схлопыванием» различия

между субъективным и объективным. Полный ряд следствий из этого события сегодня еще трудно обозрим. Станет ли человек ближе к природе, не удалится ли он в силу этой близости окончательно от самого себя? Отвечая на этот вопрос, нужно иметь в виду, что нет причин для существования человека в мире и есть много причин для его несуществования. Если мы предположим, что человек живет в мире вещей, то непонятно, зачем ему в этом мире искусство, музыка, театр и поэзия. Жить можно и без этих артефактов.

Между наукой и философией сегодня сложились странные отношения. Философия говорит о том, что причина сознания находится в самом сознании и что путь к нему лежит через самопознание человека. Наука уверяет нас: причина сознания лежит вне сознания, и путь к нему пролегает через познание мозговых нейродинамических структур. И само сознание есть не что иное, как нейронная гиперсеть.

Чтобы увидеть перспективы существования нечеловеческой антропологии, нужно заранее составить представление о границе возможностей сознания и одновременно просчитать следствия т.н. открытия бессознательного. Определяя человека как биосоциальное существо, мы учреждаем гибридное существо, кентавра, приписывая человеку две сущности – биологическую и социальную. Но человек – это все-таки либо одно, либо другое. Ни одна сущность, как утверждает Аристотель в «Метафизике», не состоит из сущностей. Поэтому нам придется либо согласиться с тем, что у человека нет сущности и что искать ее не надо, либо, наоборот, удвоить усилия по поискам его негибридной сущности.

Разработка современных систем с элементами искусственного интеллекта только обостряет проблему понимания феномена человека. Чтобы говорить об интеллекте, нужно уже понимать, почему природа не нуждается в сознании и почему ей достаточно того, что называют органическим интеллектом. Или это понимание не является значимым, и мы можем обойтись без него? Но тогда возникнет другой вопрос: каким способом мы будем отличать искусственный интеллект от органического? Даже если мы найдем основания для такого различия, нам в любом случае

нужно будет объяснить себе, что такое человеческий интеллект. Чтобы разрешить все эти проблемы, нам необходимо будет, видимо, изменить сам режим представления о человеке.

Со времен Аристотеля представления о человеке создавались на основе включения человека в систему природы. В результате человек понимался как живое и разумное существо. Сегодня наша задача состоит в том, чтобы попытаться изменить этот режим включения, поменять его на другой – режим исключения человека из какой-либо системы. Если мы это сделаем, то увидим, что человек есть мыслящее, но неразумное существо, т.е. существо, которое погружается в сон наяву. Чтобы исследовать превращение мыслящего человека в разумного, нам нужно рассмотреть вопрос о том, как в современном мышлении соотносятся онтология и антропология, бытие и человек.

Философия исключения

Мыслить, согласно Пармениду, – значит мыслить бытие вне времени. Но люди привыкли мыслить бытие во времени. Поэтому они, как заметил Парменид в поэме «О природе», всегда ошибаются, поскольку мыслить небытие нельзя. Говорить можно только о том, что есть и что можно помыслить. Хотя единичные вещи тоже существуют, но единичное само по себе немислимо, несказуемо. Мыслимо общее. Единственное, с чем можно связать бытие, – это мысль. Согласно Пармениду, бытие тождественно мысли о бытии. Поскольку человек есть сущее среди сущего, постольку он мыслится как то, что есть, и таким, каким он есть. Это значит, что, согласно Пармениду, вопрос о человеке зависит от ответа на вопрос о том, что есть бытие. Бытие дает мысли существование, мысль дает бытию осмысленность. Человек ничего не дает ни бытию, ни мысли.

Протагор был не согласен с Парменидом, полагая, что человек есть мера того, что существует, и мера того, что не существует. Но Протагора не послушали, и античная философия пошла по пути Парменида. Протагора называли софистом, хотя он был не софистом, а антропологом. Из этого следует: чтобы сегодня изменить способ мышления о человеке, нужно исходить из того, что вопрос о бытии зависит от ответа на вопрос о том, что есть

человек. Ближайшим следствием такой инверсии мысли является вывод о том, что человек всегда больше того, что он есть. Поскольку он больше, постольку его нельзя описать в терминах существования. Он – изгой мира. Если всякое существование предполагает то, что существует, то существование человека определяется модусом ускользания от *что*.

Иными словами, если мы захотим узнать, как устроен человек сам по себе, то нам нужно будет обратиться к тому в нем, что ведет к пределу бытия, того, что есть. В точке предела открывается возможность падения человека в небытие. Именно непрерывно возобновляемая возможность падения и определяет существование человека. Не об этом ли мы говорим с уверенностью тогда, когда говорим, что животные существуют в природе, т.е. говорим, что все сущее не выходит за пределы бытия? Но о человеке мы не имеем права так говорить. Мы можем только сказать, что человек существует не в природе, а в «картине» природы, внутри мифа, среди своих образов и представлений. Но лучше всего нам отказаться от слова «существование» и сказать, что человек не существует, а галлюцинирует, или, что то же самое, отождествляет, по словам Парменида, бытие и мысль о бытии в своих галлюцинациях.

Чтобы ответить на вопрос о происхождении этих галлюцинаций, нам нужно понять, кто в философии впервые поставил вопрос о том, что есть человек сам по себе.

Коперниканский переворот Канта

В 1965 году М. Фуко, отвечая на вопросы А. Бадью, заговорил о появлении в начале XIX века антропологического стиля мышления. Бадью был удивлен этим заявлением М. Фуко, поскольку оно не вписывалось в стандарты привычного понимания философии как онтологии. И Фуко пояснил, что он прежде всего имеет в виду И. Канта, который во введении к своему пособию по логике, изданному в 1800 году Г.Б. Йеше, сформулировал тезис о том, что вся философия сводится к ответу на вопрос «Что есть человек?» [Кант 1980, 332]. Бадью возразил: «Но ведь и до Канта существовали труды, которые

исследовали природу человека». Однако Фуко настаивал на своем: «...Для меня философия никогда по-настоящему не исследовала вопрос о природе человека» [Фуко 2012]. Кто из них прав? Думаю, Фуко. Но Фуко не уточнил, что Кант подразумевал под понятием природы человека.

В качестве точки отсчета возьмем коперниканский переворот Канта. Что понял Кант? Он понял, что нельзя априорно посредством понятий расширить наши знания о природе. Но они каким-то образом расширяются. Если не посредством понятий, то каким образом? Ответ Канта состоял в следующем: благодаря продуктивному воображению априори. Что это? Это, как утверждал Кант, – способность души человека. Философ писал: «У нас есть чистая способность воображения как основная способность человеческой души, лежащая в основании всякого априорного познания» [Кант 2007, 652]. С помощью этой способности отождествляется бытие и мысль о бытии. Не человек вращается вокруг своего предмета познания, а предмет познания – вокруг человека. Существует два ствола познания, по словам Канта. Оба они коренятся в третьем, в продуктивной способности воображения. На взгляд М. Хайдеггера, Кант сделал не совсем правильный выбор. Суть проблемы не в воображении, а в изначальном времени. И Хайдеггер совершает антикантианский поворот в параграфе 35 книги «Кант и проблемы метафизики»: «Истолкование трансцендентальной способности воображения как корня, т.е. прояснение того, как чистый синтез дает из себя возникнуть обоим стволам и как их поддерживает, само по себе ведет назад в укорененность этого корня: к изначальному времени. Лишь оно, как изначальное, трояко-единящее образование будущего, отбывшего и настоящего вообще, делает возможным “способность” чистого синтеза...» [Хайдеггер 1997, 166].

На место продуктивной способности воображения Хайдеггер поставил изначальное время. Проблема состоит в том, что изначального времени нет. Об этом недвусмысленно предупредил Парменид. Кроме того, Кант заговорил о существовании внутреннего времени, но и внутреннее время само по себе ничего не синтезирует. Ошибка Канта состоит не в том, что он указал

Филос. науки / Russ. J. Philos. Sci. 2023. 66(2) Философская антропология. Новые...
на воображение, а в том, что он лишил его связи с природой. Этот недостаток был преодолен в идее двойной инверсии.

Двойная инверсия

Идея двойной инверсии сформулирована в русской философской литературе в работах Б.Ф. Поршнева и Ю.М. Бородая. Она состоит в следующем. Поршнев пишет: «Некое качество (А/В) преобразуется в ходе развития в свою противоположность (В\А), – здесь все не ново, но все ново. Однако надлежит представить себе не одну, а две инверсии, следующие одна за другой» [Поршнев 2006, 11]. Сначала, как утверждает Поршнев, произошло выворачивание животной природы в человеческую, затем – выворачивание вывернутого. То, что Поршнев называет «выворачиванием» сущего посредством ультрапарадоксальной ситуации, обозначает выведение иллюзивной материи из потаенного на первый план, где она показывает себя как предел сущего. Галлюцинация, согласно выводу Бородая, и есть сама себя раскрывающая сущность сущего [Бородай 1996, 244]. Если первую инверсию можно назвать взрывом галлюцинаций, то вторую – изобретением речи. Поскольку человек галлюцинирует, постольку он отличается от животного. Поскольку он одновременно погружает себя в сон наяву, он неразумен. Речь открывает неразумному возможность движения к разуму.

Взрыв галлюцинаций

Что такое галлюцинация? Это небытие, данное нам в ощущениях. Но и то, что есть, дано нам в ощущениях. И нет возможности одно отличить от другого. Так же, как мы не можем отличить сон от яви. Возникает тупик. Природа в этой ситуации выбрала свой путь. Она запретила живым организмам выходить за пределы бытия, т.е. запретила им галлюцинировать, самим себе показывать «картинки». Животные спят, но не видят сновидений. Они видят только объективированные, оестественные галлюцинации: цвет, звук, запах. В природе нет причин для того, чтобы они были. На страже этого запрета стоит эволюция. Хотя животные расширяют среду своего

существования посредством звуков, запаха и цвета, которые возникают в точке их соприкосновения со средой. Цвет, звук и запах – это не субъективность. Это объективное свойство жизни природных организмов. Мы видим желтый предмет не потому, что он желтый сам по себе. Он желтый потому, что мы видим его желтым. Но не видим, например, красно-зеленый цвет. Для ориентации среди того, что есть, организму достаточно интеллекта.

Человек пошел иным путем. Его определил «взрыв галлюцинаций». Человек стал использовать небытие как строительный материал. Ближайшим следствием взрыва стала наскальная живопись. Посредством живописи человек вошел в мир образов как в среду своего существования. Искусство стало универсальной формой представления небытия в наших ощущениях. «Взрыв галлюцинаций» освободил рефлекторное кольцо человека от внешней причины и назначил человека быть сторожем своего воображаемого. Почему человек – это изгой? Потому что силой взрыва он был выброшен из мира вещей в мир галлюцинаций, образов, призраков и видений. Чтобы выжить в этом мире и стать человеком, ему требовалось перестать быть животным. Но бытие уже происходит в иной среде: среди того, что показывает себя вещью, не будучи ею. Человеку в данном случае нужен не интеллект, а сознание. Интеллект не выходит за пределы сущего, не ставит цели, а разум (сознание) выходит за пределы и ставит цели, ибо цель – это и есть галлюцинация, согласованная человеком с самим собой или социумом.

Ницше в «Несвоевременных размышлениях» написал о том, что природа не делает скачков. И тут же сделал оговорку: но все-таки один раз она его сделала, и тогда появился человек [Ницше 2013, 215]. Эта оговорка обесмысливает философию нечеловеческой антропологии, стирающей границу между человеком и животными. Что означает утверждение «природа делает скачок»? Это значит, что нет причин для того, чтобы появился человек. Человек появляется неожиданно для природы и для самого себя, ибо он всегда больше того, что он есть. Он еще есть и цель для самого себя.

Два сенсориума

Для жизни в мире вещей нужен один сенсориум, для жизни в мире образов и галлюцинаций – другой. Первый состоит из шести чувств, второй – из чувства самого себя, чувства времени, чувства реальности и чувства бога. В первом случае мозг управляет действиями в пространстве, во втором – человек относится к самому себе и воздействует на себя во времени. Но у органического интеллекта нет ресурсов, которые бы позволили ему чувствовать ток времени, отличая мнимое существование нарисованных цветов от умерших, стоящих в вазе, а также и то, и другое отличая от живых цветов, растущих в поле. Для этого нужно быть во времени, а калиткой в мир времени являются касания небытия. Чтобы быть во времени, человеку нужно было изобрести сознание.

После того, как мы узнали, что такое органический интеллект и что такое человеческий интеллект, можно перейти к вопросу об искусственном интеллекте. Во-первых, никакого искусственного интеллекта не существует. Нет для него своего сенсориума. Во-вторых, могут быть системы с элементами искусственного интеллекта. Почему искусственного? Потому что элементы искусственного интеллекта подчиняются не инстинкту, не сознанию, а программе. Они не ловят токи галлюцинаций, не знают цвета, звука и запаха, не различают вещи и образы вещей. Они знают только электрические сигналы, которые передаются по «нейронным» сетям. Поэтому элементы искусственного интеллекта – это объективированные галлюцинации современного научного сознания, превратившего даже логос в логику.

Поршневы и Бородай поняли, что, хотя органический сенсориум и антропологический различны, все-таки галлюцинация – это не свойство человека, а свойство природы, предел, на котором она перестает быть. Чтобы воображать, нужно уже галлюцинировать. Первое, что видит человек, когда рождается, – это галлюцинация. Последнее, что видит человек, когда умирает, – галлюцинация. Отождествление бытия и мысли о бытии в галлюцинации является нормой. Суть второй инверсии состоит в определении галлюцинации как отклонения от нормы, как болезни человека. Человеку нужно было изобрести такое,

что могло бы его спасти от падения в бездну небытия. Этим изобретением стала речь.

Речь

Жить – значит не галлюцинировать. Галлюцинировать – значит не жить. Человек начинает говорить в попытке избавиться себя от галлюцинаций, которые принуждают его видеть то, чего нет, и не видеть то, что есть. Чтобы видеть то, что есть, человеку нужно лишь вернуться из воображаемого мира в мир реальный, т.е. вернуться к своей животной природе. Но известен только один способ возвращения к реальности – смерть. Речь возникает не для коммуникации, а для того, чтобы, минуя смерть, вернуть человека к тому, что есть. Чем ближе человек к природе, тем меньше он нуждается в речи, тем меньше в его жизни искусства. Чем дальше человек от природы, тем больше он нуждается в речи, тем больше в его жизни искусства. Дальше всех от природы были, видимо, греки, которые пытались, в отличие от нас, от славян, пересилить мир словами и расширить реальность посредством искусства.

Каким образом мы нашли спасение в речи? Говорить – значит, как заметил Н.И. Жинкин, пытаться придать смысл бессмысленному [Жинкин 1982, 91]. Чтобы придать смысл бессмысленному, нужно соединить несоединимое: воображаемое и реальное, мнимое и материальное. «Взрыв галлюцинаций», т.е. первая инверсия иллюзивной материи, породил наскальную живопись.

Вторая инверсия, т.е. речь, придавая смысл звукам, породила язык. Речь предваряет появление языка. Язык существует как побочный продукт речи, как сама себя обозначающая реальность. Все, что есть в языке, есть не от языка, а от речи. Значения слов не из природы, а из воображаемого. Язык – это материальные знаки, но единственное свойство образа (галлюцинации) состоит в том, чтобы не быть знаком. Образ и знаки – враги. Говорить – значит всякий раз заново примирять образы и знаки в попытке вернуть человека на землю. Поэзия – единственное место, где удается это сделать. Хотя творчество вообще – это и есть пространство, свободное от языка.

Итак, в речи мы пытаемся избавиться себя от галлюцинаций, соединяя воображаемое и язык. Речь индивидуальна. Она, как сновидение, которое мы пытаемся рассказать другому. Язык уже сам по себе социален. Он выставляет нас на всеобщее обозрение. Поэтому каждый человек предстает перед выбором: быть ему в своем мире или быть в мире вместе с другими. Если мы выбираем бытие вместе, то у нас возникают проблемы с самими собой. Если выбираем отношение к самому себе, то у нас возникают проблемы с общежитием. Язык приглашает нас к общежитию, молчание – к самим себе.

Молчание

Молчание – адекватный способ существования человека. Когда человек молчит, он, дистанцируясь по отношению к тому, что его окружает, открывает в себе свою самость. Открытие в себе самости означает одно: готовность быть причиной реальности объектов своих грез. Когда человек говорит, он, наоборот, дистанцируется по отношению к самому себе и посредством языка открывает себя внешнему. Кто хочет думать сам, тот не нуждается в другом. Мысль – это не согласованное с другим путешествие в воображаемое. Согласованная с другим мысль перестает быть мыслью и становится событием языка. Язык – соглядатай социума, дозор, высланный реальностью для поимки грезящего беглеца. Пленение воображаемого составляет его цель. Поэтому человек до сих пор не может не бояться говорить, поскольку говорить он может только о том, о чем невозможно больше молчать.

Галлюцинат

Каждый из нас существует в сознании своего другого. Я – у него. Он – у меня. Каждый из нас, замечает Я.П. Полонский, – галлюцинат, т.е. тот, кто дает существование объектам своего воображения [Полонский 1889]. Мы не симулякры, которые существуют посредством обмана, выдавая одно за другое. Если бы люди не были галлюцинатами, то не смогли бы ставить перед собой цели.

Кант в «Основах метафизики нравственности» объясняет, что такое «царство целей». Это царство состоит из того, что люди думают, что они желают, чувствуют и что они полагают сущим, а что не сущим, т.е. люди существуют не только в биогеоценозе, но и в галлюцинозе, в котором реальность расширяется посредством мнимостей. Цель – это мнимость или, как утверждал Кант, практическая идея, т.е. галлюцинация. Для чего она необходима? Кант ответил на вопрос следующим образом: «Для того, чтобы реализовать то, что не существует, но что может стать действительным благодаря нашему поведению, и притом сообразно именно с этой идеей» [Кант 1999, 215]. В результате среди того, что имеет причину не в нас, а в самом себе, появляется то, что имеет причину не в самом себе, а в нас, в человеке. Среди вещей появляется то, что показывает себя как вещь, не будучи вещью. Природа, по словам Маркса, паровозов не строит. Где паровозы, там сознание. Паровозы существуют в биоценозе, сознание – в галлюцинозе. Человек пытается их связать в том, что В.И. Вернадский назвал ноосферой.

Что значит быть в сознании? Это значит быть во времени, т.е. бытийствовать тем бытием, которым тебя наделило сознание, а не тем, которым тебя наделила природа и в котором ты есть как *animalitas*. Но одно дело быть в сознании, а иное – быть объектом в сознании другого.

Другой думает, что есть я, а я думаю, что есть он. Я думаю, что он есть то, что я думаю о нем, а он думает, что я есть то, что он думает обо мне. Он у меня – объект сознания, я – у него. Факт существования одного человека встроен в перцептивный мир другого. Присутствие одного человека может действовать на нервы другого лишь фактом своего существования, не прибегая к помощи языка. Что это дает? Это дает невозможность непосредственной встречи человека с человеком. Отсутствие этой непосредственности лежит в основании любого социума. Любые социальные отношения опосредованы галлюцинирующим сознанием. Зияющая «дыра» в коммуникации заполняется языком, который не отсылает к сознанию. Язык становится посредником, замещением инстинкта, социальной связью, которая украла у человека его настоящее, предлагая ему либо

прошлое, либо будущее. Язык хочет встать на место сознания, не являясь сознанием. В результате этой перестановки обесценивается слово. Оно становится мертвым. Визуальный образ побеждает вербальный. Чтобы оживить слово, его нужно соединить с воображаемым, с тем, чего нет, но мы хотим, чтобы оно было.

Однако у языка существует еще одна проблема. Сам по себе язык – материя. Вернее, язык и есть наше бессознательное. Что это значит? То, что наши учителя – это и есть наше бессознательное, наш язык. Мы думали, что это – наше сознание, а оказалось, что это – язык. Если бы это было сознанием, то нам не потребовалось бы самим думать. Мы брали бы сознание (мысли) у тех, кто когда-то до нас думал. Если это – язык, то нам нужно воображать, чтобы его соединить с воображаемым и получить наше сознание.

Сознание не передается из рук в руки, как вещь. Мы всегда находимся в ситуации недостаточности сознания для осознания. Сознание улетучивается как эфир, а язык остается и говорит нам, что он и есть наше замороженное сознание. Чтобы быть в сознании, нужно начинать все заново, т.е. говорить. Язык без речи – это мертвая материя. Сам по себе язык ничего не говорит. Говорит человек, но что он может сказать, если он просто галлюцинирует? Сама по себе галлюцинация делает нас слепыми. Поэтому говорить – значит соединять вслепую язык и воображаемое.

Любая коммуникация становится тем самым двойным галлюцинированием. Один живет в своем мире, другой – в своем. Возникает неразрешимое непонимание. Чтобы возникло понимание, нужно у каждого изъять его мир и заставить всех жить в одном мире. Непонимание возникает в коммуникации не из-за языка, а из-за несогласованного содержания воображаемых миров. Чтобы понимать, человек нуждается в сознании больших галлюцинаций, в чувстве реальности. Что нужно сделать, чтобы избежать непонимания? Нужно не превращать другого в объект своего сознания, а дать ему возможность быть иным. При этом появляется возможность увидеть его таким, каким он есть.

Галлюцинат замыкает свое существование посредством творчества, т.е. дает себе возможность быть иным. Но не другому. Другого он превращает в объект своего сознания. И поэтому он постоянно обманывается, встречаясь с видимостью понимания. Почему с видимостью? Потому что галлюцинат встречается не с другим, а с самим собой, со своим двойником в виде другого.

В человеке важен не его *animalitas*, а его *hallucinatas*. Последнее обстоятельство изменяет не только антропологию человека, но и его онтологию, ибо в мире, в котором живет человек, всегда существует такая сторона, которая существует посредством превращения бытия из нереального предиката в реальный. У всякой вещи бытие является нереальным предикатом, а у призрака, т.е. у мнимости, бытие – реальный предикат, ибо призрак существует в поле сознания. В составе человеческой жизни всегда присутствуют такие объекты, которые существуют, если к ним относятся как к существующим. *Humanitas* человека в его *hallucinatas*. Увидеть человека таким, каким он есть, – значит увидеть, как он извлекает себя из своих галлюцинаций. Поэтому любая объект-объектная онтология оказывается несостоятельной в силу одного этого факта.

Резюме, или Почему Беллерофонт убил Химеру?

Беллерофонт – сын царя. А, может быть, даже, как думали греки, сын Посейдона. В любом случае он – человек. Он может подняться над собой, а может и опуститься ниже себя. Беллерофонт случайно убил брата. Случайно он убил или несчастливо – это неважно. Он – убийца. Он должен быть наказан. Нет наказания страшнее клеветы. Его оклеветали в доме, в котором он нашел убежище. Его полюбила жена хозяина дома. Беллерофонт отклонил ее любовь. Она ему отомстила, уверив всех в том, что он к ней пристаёт. В итоге хозяин дома решил убить его чужими руками посредством битвы с Химерой. Беллерофонт сразился с Химерой и убил ее. Сущее победило несущее. И люди простили Беллерофонта.

Но человек есть человек. Беллерофонт решил стать богом. А стать богом – значит не видеть границу между сущим и

несущим, т.е. уклониться от встречи с ничто, отказаться от человеческого в человеке, поскольку человеческое существует в нас лишь в той мере, в какой мы ничто превращаем в зыбкое «что-то». Зыбко все, к чему прикасается человек: мысль, музыка, поэзия, живопись, театр, ибо все это небытие, данное нам в ощущениях. Беллерофонт ничего не достиг на этом поприще, и он просто решил подняться на Олимп к богам. Поймав крылатого коня Пегаса, он полетел. Пегас, вернее боги, сбросили его на землю, он стал слепым, хромым и одиноким. Конечно, его могли сбросить и в бездну небытия, но Беллерофонт – все-таки победитель зла, Химеры. Боги оставили его живым.

Химера – это зло, данное человеку наглядно, т.е. чудище, то, что нарушает онтологию ума, наблюдающего за тем, что есть. Химера не есть, она из бездны небытия. Не может быть, чтобы голова льва была прикреплена к телу козы, а тело козы завершало себя хвостом в виде змеи, разбрызгивающей яд вокруг себя. Не может лев дышать огнем. Огнем может дышать только Химера. В ней нет ничего от человека, в ней нет ничего от животного. Химера не живет на Олимпе, но она не живет и на земле. Она вдруг возникает перед всяким, кто плохо мыслит. Плохо мыслит тот, кто, не будучи богом, хочет жить на Олимпе. Еще хуже мыслит тот, кто, будучи человеком, полагает, что он ничем не отличается от животного. Человек отличается от животного тем, что экзистенцирует к миру грёз и галлюцинаций. Человек есть постольку, поскольку он галлюцинирует.

Что нужно сделать, чтобы Химера выглянула из небытия? Для этого нужно перемешать то, что есть, с тем, чего нет, т.е. создать среду обитания Химеры. Называют эту среду «становлением», в которой никогда ничто ничем не станет. Нужно лишь, как Ж. Делез, предположить, что все является машиной. При этом следует иметь в виду, что даже животное не является машиной, ибо машина не чувствует, как животное, и не живет в мире звуков, цвета и запахов. Огненное дыхание химеры до нас доносится в словах о том, что человек является животным, хотя вся жизнь человека проходит в экзистенциях иллюзивной материи, т.е. за пределами сущего. Быть человеком – это, прежде

всего грезить. Животное не грезит, т.к. оно не может и никогда не сможет увидеть то, чего нет.

Чтобы стать человеком, нужно перестать быть животным и в этот момент разрыва стать причиной реальности объектов своих грез. Животное никогда не сможет дать тому, чего нет, предикат существования. У животного нет точки зрения на мир. Чтобы появилась такая точка, нужно быть выброшенным из мира взрывом галлюцинаций. Поэтому тот, кто утверждает, что взгляд кошки на человека обнажает человека, невольно превращает кошку в Химеру, хотя она является не Химерой, а животным из семейства кошачьих. «Стыд перед кошкой» – человеческое слишком человеческое в Деррида, для которого снять одежду – значит скинуть с себя Логос и бытие.

Химерическое желание того, чтобы родителями человеческих детей стали растения и животные, само по себе является признаком падения человеческого ума в бездну ничто. Людям не нужно искать свое место в мире в ряду животных. Люди нашли уже свое место. Оно находится вне мира органических связей, в мире культуры. Поэтому полагать, что сознание не сознание чего-то, это еще не значит, что, как считает Делез, «сознание само есть что-то» [Делез 2004, 108]. Сознание само не есть что-то. Это не «что-то», а свойство жизни людей во времени.

Беллерофонт убил Химеру потому, что ее разъединение на части не смогло завершиться органическим синтезом. Химера существовать не может ни как машина, ни как организм, ни как человек. Она умеет только дышать огнем.

Животное в силу своей природы определяет свои действия в мире цветов, звуков и запахов. Эти действия определены органическим интеллектом. Чтобы не быть животным, нужно жить во времени, а не в пространстве. Соглашаясь с Парменидом в том, что времени нет, нужно согласиться и с тем, что время изобрели люди. Кант назвал это время внутренним. Внутреннее время представляет собой ток галлюцинаций и ощущений от восприятия, у которых отсутствует объект. Этот «ток» Кант назвал продуктивной способностью воображения априори. В чем состоит такая способность? В том, чтобы хватать все, что угодно, и соединять с чем угодно, обосновывая объективность

объекта в поле субъективности. В этом состоит синтетическая работа воображения. Правда, Ницше насмеялся над Кантом, но лучшего ничего не придумал. Поскольку жить – значит не сознать, а сознать – значит не жить, постольку мы выбрали жизнь во времени.

Поскольку мы галлюцинируем, постольку мы живем во времени и все делаем вслепую. У времени нет ни запаха, ни звука, ни цвета, ни геолокации. Эта слепота дает нам возможность думать, т.е. погружаться в мысль, как в сновидение. Мы всегда воображаем, даже когда смотрим на то, что есть. Мы мыслим, превращая цвет в живопись, небытие которой действует на нас во времени. Превращаем звук в музыку, воспринимая ее небытие во времени, слушая то, что уже отзвучало или еще не начало звучать. Практическое действие превращаем в театр, который отсылает к воображаемому, а не наличному. Даже запахи заставили нас создать парфюмерию, которую можно использовать во всякое время. Для жизни во времени человеку нужен еще один сенсориум.

ЦИТИРУЕМАЯ ЛИТЕРАТУРА

Бородай 1996 – *Бородай Ю.М.* Эротика – смерть – табу: трагедия человеческого сознания. – М.: Гнозис, Русское феноменологическое общество, 1996.

Делез 2004 – *Делез Ж.* Переговоры. – СПб.: Наука, 2004.

Жинкин 1982 – *Жинкин Н.И.* Речь как проводник информации. – М.: Наука, 1982.

Кант 1980 – *Кант И.* Логика. Пособие к лекциям // *Кант И.* Трактаты и письма / под ред. А.В. Гулыги. – М.: Наука, 1980. С. 319–444.

Кант 1999 – *Кант И.* Основы метафизики нравственности. – М.: Мысль, 1999.

Кант 2007 – *Кант И.* Критика чистого разума. – М.: Эксмо, 2007.

Ницше 2013 – *Ницше Ф.* Несвоевременные размышления. Часть третья. Шопенгауэр как воспитатель // *Ницше Ф.* Полное собрание сочинений: в 13 томах. Т. 1. Ч. 2. – М.: Культурная революция, 2005. С. 173–258.

Полонский 1889 – *Полонский Я.П.* Галлюцинат // *Полонский Я.П.* На высотах спиритизма. – СПб.: Типография И. Н. Скороходова. С. 143–169.

Поршнев 2006 – Поршнев Б.Ф. О начале человеческой истории. – М.: ФЭРИ-В, 2006.

Фуко 2012 – Фуко М. «Человека на самом деле не существует»: Мишель Фуко о том, что такое психология // Теории и практики. 5 декабря 2012. – URL: <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya>

Хайдеггер 1997 – Хайдеггер М. Кант и проблема метафизики. – М.: Логос, 1997.

REFERENCES

Boroday Yu.M. (1996) *Erotica – Death – Taboo: The Tragedy of Human Consciousness*. Moscow: Gnosis, Russian Phenomenological Society (in Russian)

Deleuze J. (2004) *Negotiations*. Saint Petersburg: Nauka (Russian translation).

Foucault M. (2012) “Man Does Not Actually Exist”: Michel Foucault on What Psychology Is. *Theory & Practice*. Retrieved from <https://theoryandpractice.ru/posts/5556-cheloveka-na-samom-dele-ne-sushchestvuet-mishel-fuko-o-tom-chto-takoe-psikhologiya> (Russian translation).

Heidegger M. (1997) *Kant and the Problem of Metaphysics*. Moscow: Logos (Russian translation).

Kant I. (1980) *Logic. A Study Guide to the Lectures*. In: Kant I. *Treatises and Letters* (A.V. Gulyga, Ed.) (pp. 319–444). Moscow: Nauka (Russian translation),

Kant I. (1999) *Groundwork of the Metaphysics of Morality*. Moscow: Mysl' (Russian translation).

Kant I. (2007) *Critique of Pure Reason*. Moscow: Eksmo (Russian translation).

Nietzsche F. (2013) *The Untimely Meditations. Part Three: Schopenhauer as Educator*. In: Nietzsche F. *Complete Works in 13 Vols.* (Vol. 1, part 2, pp. 173–258). Moscow: Kul'turnaya revolyutsiya (Russian translation)

Polonsky Ya.P. (1889) *Hallucinate*. In: Polonsky Ya.P. *On the Heights of Spiritualism* (pp. 143–169). Saint Petersburg: I.N. Skorokhodov Typography (in Russian)

Porshnev B.F. (2006) *On the Beginning of Human History*. Moscow: FERI-V (in Russian).

Zhinkin N.I. (1982) *Speech as a Conductor of Information*. Moscow: Nauka (in Russian).